

Действующие лица:

Сержик, сумасшедший
Следователь Макашов
Леонид Ильич Брежнев
Лиля Брик
Луи Арагон
Марчелло Мастрояни
Борис Мессерер
Белла Ахмадулина
Грабитель Вася
Убийца Гриша
Вера, жена Гриши
Неизвестный фронт
Судья
Прокурор
Адвокат
Светлана, жена Сержика
Суренчик, сын Сержика
Аня, сестра Сержика
Жора, муж Ани

Эки, конвоиры, соседи, зрители, прохожие, гости, провожающие на похоронах, судебные заседатели, члены худсовета и т. п.

В спектакле может участвовать любое количество актёров. Поскольку пьеса довольно многолюдна, каждый актёр исполняет столько ролей, сколько посчитает нужным режиссёр, осуществляющий постановку.

В группках и массовках могут быть задействованы актёры, исполняющие основные роли.

Действие первое.

Картина первая.

Небольшой уютный тбилисский дворик. В глубине сцены – длинный двухэтажный дом с галереей, на которую ведет широкая деревянная лестница. В правой половине дворика – обширный стол, за которым соседи отмечают обычно дни рождения, юбилеи, рождения детей и прочие дворовые праздники. Это такое сакральное место соседского единения. Вообще, двор для тбилисцев является местом, где проходит

их жизнь, – здесь готовят еду, чинят автомобили, велосипеды, здесь стирают и развешивают бельё, здесь играют дети, здесь ссорятся супруги. Над дворовым столом – древняя шелковица. В левой половине двора – бетонный постамент; возможно, когда-то на нём стояла какая-нибудь садовая скульптура или памятник, но сейчас постамент пуст, видимо, ждёт прихода нового героя или тирана.

На авансцене – трибуна с государственным гербом СССР.

Издалека звучит похоронная музыка, постепенно нарастая и приближаясь, она звучит уже в полную силу на всём пространстве двора.

На сцене появляется похоронная процессия. Люди несут некрашенный и неструганный гроб, сопровождаемый венками, флагами, флажками и транспарантами. В гробу – грузный человек с бородой. На транспарантах надписи: «Да здравствует Сержик!», «Слава Сержику и КПСС!», «Народ и Сержик едины!», «Миру – мир, Сержику – счастье!», «Мир, труд, май, Сержик!» и тому подобное. Процессия проходит по кругу два-три раза, люди плачут, утираются платками, женщины причитают. Гроб ставят на дворовый стол.

К одному из провожающих подходит случайный прохожий, привлечённый во двор траурной музыкой.

ПРОХОЖИЙ. Кого хоронят, товарищ?
ПЕРВЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Великого Сержика!

ПРОХОЖИЙ. Скажите пожалуйста! Не может быть! Ведь он молодой ещё был!

ПЕРВЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. А вот поди ж ты!

ПРОХОЖИЙ. А что же с ним случилось? От чего он умер? На какой почве?

ПЕРВЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Известно на какой – на тбилисской, конечно!

ВТОРОЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Товарищи! Сегодня мы провожаем в последний путь великого светоча эпохи, оплаканного Политбюро ЦК КПСС, Советом Министров

СССР, правительствами демократических стран и даже славными компетентными органами нашей могучей державы! От нас ушёл гений народов нашей многонациональной родины, великий художник-интернационалист, и все люди доброй воли, а также прогрессивная общественность всего мира скорбят вместе с нами!

ТРЕТИЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ (*подхватывает*). От нас ушёл большой художник Сержик, до конца дней своих оставшийся верным принципам социалистического реализма, всю свою многотрудную жизнь посвятивший народу, партии и земле, которая его взрастила! Родная земля питала его своими соками, а любимая партия всемерно поддерживала его и искренне заботилась о нём...

АНЯ (*кутаясь в бобровую шубу*). Это был великий человек! Его любили все! И он отвечал людям взаимностью. Щедрость его не знала пределов. Правда, иногда он бывал и вздорным... даже вредным... Эх, родименький мой!.. да на кого же ты нас поки-и-инул... да на кого же ты нас оста-авил! А ведь обещал меня ещё с Марчелло познакомить! Это ж мечта... всей жизни мечта! Обожаю Марчелло! А он не успел! Не успел, бедняга!

ЧЕТВЁРТЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Из любого мусора он мог сотворить красоту... а всё потому, что любовь к ней... к красоте, то есть... была у него в крови! Давайте вспомним его родителей! Отец Сержика был знаменитым тифлисским антикваром, которого, кстати, не раз арестовывали, как классово чуждого, и тогда делами в семейной лавке заправляла его жена. Мама Сержика умела заменить мужа, и весь Тифлис знал, что в любое время дня и ночи у неё можно купить бриллианты на любой вкус и на любой кошелёк...

ПЯТЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Да что родители! Он даже в тюрьме мастерил такие вещи! Их бы в музей сейчас!..

ШЕСТОЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. А что вы думаете? Наверное, будет когда-нибудь на белом свете его музей! И лучше бы у нас — в Тбилиси!

ПЕРВЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Прощай, дорогой друг! Пусть на том свете тебе будет лучше, чем на этом! Как часто тебя обижали здесь, как часто не понимали! А там тебе будет хорошо, там тебе будет уютно и покойно... Господь привечает тех, кто делает мир краше...

ВТОРОЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Создатель великих фильмов, картин, коллажей, неистощимый фантазёр и выдумщик... как много он успел! А сколько бы он успел ещё, если бы ему не мешали!

ПРОХОЖИЙ. А чё он помер-то, молодой такой?

ТРЕТИЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Спи спокойно, дорогой товарищ! Может быть, теперь ты наконец выплывешь... Ведь при жизни тебе это редко удавалось!

СЕРЖИК (*неожиданно садится в гробу*). Всё! Выспался уже!

*Люди одобрительно галдят.
Любопытный прохожий падает в обморок.*

Сержик встаёт из гроба, спускается на землю, оценивающе оглядывает стол со стоящим на нём гробом, поправляет ленты на траурных венках. Поднимается на бетонный постамент в левой половине двора и принимает позу трибуна, простирая правую руку вперёд, к видимому только ему светлому будущему.

СЕРЖИК. Товарищи! Дорогие товарищи! Спасибо вам всем за то, что пришли проводить меня! Дай Бог, не в последний раз! Я хочу вам сказать одну очень важную вещь: красота не спасёт мир... она не может спасти мир! Сколько бы ни было её вокруг нас, зло сильнее, а уродство некоторых людей затмевает порой всё самое лучшее, что создано человечеством. Леонардо будет писать картину двадцать лет, мучаясь, бесконечно переделывая и поправляя её, а какой-нибудь маньяк сожжёт полотно за пять минут! Я всю жизнь создавал прекрасные вещи, фильмы... я судьбу свою сделал одним прекрасным, ярким и многоцветным фильмом... а меня затоптали, унизили, запихнули в страшную нору безработицы и запретов! Почему мне не дают работать? Меня пытаются погрузить в серость... в бесцветность жизни... меня! человека, не способного жить вне цвета... вне света! Я — радуга этого мира! Молитесь многоцветью и разнообразию! Знаете молитву древних греков? Пусть удвоится и утроится всё прекрасное! Прекрасного должно быть много! А эти серые личности на трибуне Мавзолея... все эти начальники, охранители... эти серые мыши системы... я их всех (*Пауза*)... имел! да, имел! всех этих членов Политбюро я имел буквально и в самых извращённых, циничных формах! Да ведь они сами этого хотели!.. Умоляли меня,

чтобы я это сделал! Пусть снова сажают, пусть делают что хотят... пускай хоть убьют! Ничего они не смогут сделать! Ничего! Я останусь, а они исчезнут! Вот им от меня с высот будущего! *(Делает неприличный жест; в этот момент слышен щелчок затвора фотоаппарата и видна яркая вспышка.)* Пусть получают! *(Пошатнувшись на постаменте, оступается и падает на руки толпы. Утвердившись через мгновение на ногах, поворачивается к залу.)* Вот такое у нас будет кино! Стоп! Снято!

Картина вторая.

Кабинет следователя по особо важным делам Макашова. За письменным столом, в качестве которого можно использовать дворцовый стол из предыдущей сцены, — Макашов, напротив — на простом табурете — Сержик.

МАКАШОВ. Вот вы, Сергей Иосифович, такой известный человек... ведь вас во всём мире знают!

СЕРЖИК. Ну, ещё бы! А вот вы... знали меня раньше? до того, как дело моё взяли?

МАКАШОВ. Нет, не знал!

СЕРЖИК. А говорите — во всём мире! Вы мои фильмы хотя бы видели?

МАКАШОВ. Ну, видел один...

СЕРЖИК. И как вам?

МАКАШОВ. Да никак! Непонятно ж ничё...

СЕРЖИК. Вы знаете, у меня уже был такой случай... Некий секретарь ЦК Армении сказал как-то, что в одном моём фильме слишком много мастики. А он когда-то в своей жизни полотёром был... ну, я и подумал, что его оценка каким-то образом связана с натиранием полов... кто ж его знает? может, когда пол натирается большим количеством мастики, так это хорошо... А фильм знаете, как назывался?

МАКАШОВ. Как?

СЕРЖИК. «Саят-Нова».

МАКАШОВ. Что это?

СЕРЖИК. Не что, а кто... это средневековый поэт такой был... армянский... не слышали?

МАКАШОВ *(с тяжёлой иронией).* Учёность свою хотите показать... образованность...

СЕРЖИК. Да нет... к слову просто пришлось... и вообще — это неважно... так про того, с мастикой... потом-то уж мне

объяснили, что он и не мастику вовсе в виду имел, а мистику...

МАКАШОВ. Вы меня тут юмором своим своеобразным не развлекайте. Не надо... я вам это серьёзно говорю... И вообще, я бы вам советовал посерьёзнее к делу отнестись... Вот у вас, к примеру, нашли шариковую ручку... производство Гонконг... с раздевающейся девицей... *(Подходит к сейфу, достаёт оттуда ручку, показывает её издалека Сержику.)* Вот так *(Поднимает ручку вертикально)* — одегая... а вот так *(Переворачивает ручку.)* — раздевается. Порнография!

СЕРЖИК. Да Бог с вами! Какая же это порнография?

МАКАШОВ. Не порнография, да? Ну, хорошо... а это? *(Достаёт из сейфа игральные карты с изображениями обнажённых девушек.)* Это тоже не порнография? В вашем доме нашли.

СЕРЖИК. Да я в карты отродясь не играл. И ручка эта не моя. Может, из гостей кто забыл. Или ваши подкинули.

МАКАШОВ *(неожиданно хлопнув ладонью по столу).* Вы мне тут не забывайте, гражданин! Вы что себе позволяете!

СЕРЖИК *(ничуть не смутившись).* А что такое? Вы же мастера провокаций! Далась вам эта ручка! Прямо скажите: вас задевает, что я членов Политбюро имел!

МАКАШОВ. Вам нравится, Сергей Иосифович, эпатировать окружающих... Вы открыто говорите о том, что в приличном обществе принято скрывать... Я бы вам не советовал так себя вести. Тем более что для подобных деяний предусмотрена у нас, слава Богу, уголовная ответственность.

СЕРЖИК. А вы докажите!

МАКАШОВ. Зачем? Вы сами в этом признаётесь!

СЕРЖИК. Признание — царица доказательств? Недалеко ж вы ушли от Андрея Януарьевича!

МАКАШОВ. Какого ещё Андрея Януарьевича?

СЕРЖИК. Вышинского! Да вы сами посудите, как я мог... с членами Политбюро? Это же трёп!

МАКАШОВ. Вы не выкручивайтесь теперь! В вашем деле есть показания Александра Воробьёва, Феликса Десятника, Ивана Пискового, Валентина Паращука... да что я вам рассказываю, будто бы вы сами не знаете! А вы в курсе вообще, что на вас заявление написано?

СЕРЖИК. Какое заявление?

Порывшись в бумагах, Макашов извлекает лист с заявлением.

МАКАШОВ. Которое послужило основанием для вашего ареста... цитирую: «Начальнику милиции такому-то от гражданина Петриченко Семёна Петровича, проживающего там-то и там-то... Заявление... так... Товарищ начальник! Мой гражданский долг заставляет меня обратиться к вам по поводу развратника и педераста Сергея Иосифовича П. На протяжении многих лет он занимается развратом несовершеннолетних и молодых юношей и мужчин. Свой дом он превратил в гнусный притон. Прошу вас положить конец этим развратным действиям» ... вот так! с уважением, подпись, восьмое декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года... как вам это нравится?

СЕРЖИК. Что же здесь может понравиться? Но не вы ли совсем недавно обвиняли меня в изнасиловании редакторши с телевидения? Как же это вяжется с доносом этого... как его? Петриченко...

МАКАШОВ. Во-первых, не с доносом, а с заявлением... советский человек не пишет доносы, он сигнализирует о недостатках... а во-вторых, вы же известный насильник... какая вам разница, кого насиловать – мужчин или женщин?

СЕРЖИК. В этом утверждении – и ваше лицо, и лицо власти...

МАКАШОВ (*вскочив*). Слушай ты... великий режиссёр! Я тебя законопачу... ты хоть понимаешь это? Загоню тебя... куда Макар телят не гонял!

СЕРЖИК. А куда не гонял?

МАКАШОВ. Всё! Тема закрыта!.. (*Меняя тон.*) Знаете, что, Сергей Иосифович? Давайте лучше сотрудничать со следствием.

СЕРЖИК. Так вы меня обвиняете в том, чего не было!

МАКАШОВ. Ну почему? Изнасилование редакторши я с вас снял... за недоказанностью...

СЕРЖИК. Ещё бы вы его не сняли! Она пьяна была, как сапожник! Читал я её показания... мне давали! Абсурд же полный!

МАКАШОВ. Вы всё равно будете сидеть! Уж я постараюсь!

СЕРЖИК. Да за что?

МАКАШОВ. А я вам скажу... мы сейчас одни с вами... я скажу (*неожиданно взъярившись*)... ты, сука, пасть свою

поменьше разевай! Чё ты базаришь везде? Чё ты метлой метёшь на каждом светофоре?.. Тебя страна выучила, тебе партия работу дала! А ты?

СЕРЖИК (*с трудом сдерживаясь, тихо, но гневно*). Где мне партия работу дала? Я фильмы сделал, которые гремели! По всему миру! А мне за это? Четыре картины в Киеве закрыли! Две – в Ереване! «Цвет граната» перемонтировали! Без меня! Без моего ведома! Насильно! Андерсена не дали снимать! В Госкино отказали! В Прибалтике отказали! Все три студии прибалтийские отказали! Боятся меня, что ли? Я прокажённый? Чумной?.. В Армении еле запустили! Тоже не хотели! Через «не хочу» запустили! А тут вы! А тут этот... как его... Петриченко! Кто это такой, кстати? Дайте, что ли, очную ставку, а то как-то нехорошо получается; он меня знает, а я его – нет! Всё через этого чёртова Петриченку поломали!

МАКАШОВ. Тебе не только работу... тебе всё ломают! Тебе шею свернут! Я лично сверну! Мы тебя уничтожим! Понял? Будешь письма протестные подписывать! Будешь за всякую мразь заступаться! Давай! Не будешь! Ты за ЦК числишься! За Политбюро! Тебе год светит по сто двадцать второй... за мужеложство! А я тебе пять буду искать! Пять! Понял, нет? И получишь пятерик! И хрен выйдешь у меня оттуда! Каждый божий день станут от тебя кусок плоти там отрезать! И замочат... рано или поздно! С такой статьёй долго не живут...

СЕРЖИК. Ну, ничего... я уж поживу как-нибудь...

МАКАШОВ. Поживи, попробуй... Лучше сотрудничай! (*Снова резко меняя тон, вежливо.*) Послушайте, Сергей Иосифович! Я ведь всё-таки вам добра желаю. Давайте договоримся: вы подпишете всё, что надо, а я вам – только год... честное благородное слово – не стану пяти лет искать... вину признайте и всё! Месяц следствия идёт вам за два... ещё полгода посидите и на досрочку! А может вообще условным обойдётся... Вы только подпишите!

СЕРЖИК. Ну, хватит, хватит! Стоп! Снято!

Картина третья.

Клубная сцена культурно-воспитательной части в лагере строгого режима. Над сценой красное полотнище с надписью «На свободу – с чистой совестью!». По сцене мечется Сержик, устанавливая реквизит, поправляя грим и

костюмы исполнителей. Дворовый стол здесь выполняет функции судейского стола; за ним величественно восседает Судья. По обе стороны от него – народные заседатели. Возле стола – прокурор, в некотором отдалении – скамья подсудимых, на которой сидит Сержик. Рядом с ним – адвокат.

Звучит торжественная музыка. С колосников спускается транспарант с надписью «Кожа».

ПРОКУРОР (указывая на Сержика)... Взгляните, товарищи, на этого отщепенца! Самим своим существованием он дискредитирует звание советского человека! Он спекулировал иконами, золотом, бриллиантами... грабил простых людей...

АДВОКАТ. Протестую! Эти обвинения сняты с моего подзащитного в связи с недостаточностью доказательств.

ПРОКУРОР. Неважно! Обращаю внимание суда на слова «недостаточность доказательств»! Это именно и говорит о том, что означенные преступления имели место, но следствие не сумело их доказать! Предлагаю отправить дело на доследование и выяснить, какими путями попали к подсудимому музейные иконы, бриллианты и золотой перстень семнадцатого века, усыпанный драгоценными камнями...

АДВОКАТ. Протестую! При обыске в квартире подсудимого поименованные предметы не были обнаружены.

ПРОКУРОР. Естественно! Если б их обнаружили, о чём бы мы тогда говорили! Спрятал где-то очень удачно!

СЕРЖИК. Да не было у меня ничего! Какие бриллианты? Икона была, так мне её родственники подарили. Я её продал давно. А перстень Католикос в прошлом году прислал... в знак уважения и признания моего таланта...

СУДЬЯ (стучит молоточком). Подсудимый, вам не давали слова!

АДВОКАТ. Справка (Зачитывает.): «Перстень из жёлтого металла с фальшивыми жемчужинами и вставками из дымчатого стекла приобретён подсудимым в магазине № 1 тбилисского Ювелирторга в апреле 1973 года. Цена изделия 42 рубля 78 копеек».

СЕРЖИК. Католикос подарил!

ПРОКУРОР. Взгляните, товарищи! Этот человек ни в чём не раскаялся! А между тем он не только спекулянт, барышник и торговец краденым, он ещё и развратник!

Он изнасиловал молодую непорочную девушку, редактора телевидения, которая только-только вступила в комсомол...

АДВОКАТ. Протестую! Не доказано!

ПРОКУРОР. Не доказано! А надо было доказать! Надо было вывести на чистую воду этого греховодника, этого грязного человека, цинично попирающего принципы социалистического общежития! Следующее поколение советских людей будет жить при коммунизме, и разве можем мы взять с собой в светлое будущее такого подонка и двурушника? Дело подсудимого вёл следователь Макашов, кристально чистый и благородный рыцарь наших правоохранительных органов. Человек горел на работе! Ценой своего здоровья, своего драгоценного времени, не жалея ни сил, ни средств следователь Макашов создал уголовное дело, в котором насчитывается более трёх тысяч страниц! И какое это дело! Оно будет посильнее «Фауста» Гёте! И уж точно превысит его по объёму. Вся подробная история преступлений подсудимого предстаёт, товарищи судьи, перед вашими глазами со страниц этого небывалого уголовного дела! Мало того, что он занимался спекуляцией, насиловал целомудренных девушек, так он ещё и порнографию распространял!

АДВОКАТ (вонит). Протестую! Ничего мой подзащитный не распространял! Шариковую ручку с изображением раздевающейся красотицы он хранил дома и не мог вообще её распространять, потому что она имела у него в единственном экземпляре!

СЕРЖИК. Так мне её подкинули! Следователь Макашов, я думаю, сам и подкинул!

СУДЬЯ (снова раздражённо стучит молоточком). Подсудимый, вам слова не давали!

ПРОКУРОР. А игральные карты с порнографическими изображениями развратных девиц? Самое настоящее распространение!

АДВОКАТ. Протестую! Карты не выходили за пределы квартиры моего подзащитного!

ПРОКУРОР. Да, не выходили! Но они использовались в развратных карточных играх! Их видели многочисленные гости, знакомые и приятели подсудимого! В том числе молодые и непорочные! Это и есть распространение! Подсудимый погряз в грехе, его безнравственный облик не соответствует и не может соответствовать

нашим представлениям о человеке будущего, о человеке высокой коммунистической морали! О, велика же степень его падения! Он извращенец и сладострастный растлитель! Да будет позволено мне говорить о пагубной страсти подсудимого, каковая страсть на протяжении многих лет выражалась в его патологическом интересе к юношам и молодым мужчинам... Под видом подыскания актёров для своих фильмов подсудимый заманивал их в свою квартиру, где и совершал с ними противоестественные акты...

СЕРЖИК. Никого я не заманивал! Ко мне люди всегда сами в гости приходили!

СУДЬЯ (*повышая голос*). Подсудимый! Последнее предупреждение! Вы будете оштрафованы за неуважение суда!

СЕРЖИК. Да я уважаю! Просто этот... какую-то х...ю несёт!

СУДЬЯ (*стучит молоточком и кричит*). Подсудимый!

ПРОКУРОР. Из-за пагубных пристрастий подсудимого покончили жизнь самоубийством несколько молодых мужчин... не в силах осознать своей принадлежности к крайне малочисленному сообществу изгоев и отщепенцев и глубоко раскаиваясь в своих противоестественных влечениях, они... они...

АДВОКАТ. Протестую! Единственный человек, фигурирующий в деле моего подзащитного, архитектор С. действительно покончил жизнь самоубийством, однако причины, побудившие его к этому необдуманному поступку, до сих пор не ясны и было бы неправильно связывать случившееся с разбираемым сегодня делом. Хочу добавить, что все обвинения, выдвинутые следствием против моего подзащитного, надуманны и требуют тщательной аргументации и неоспоримых доказательств.

СУДЬЯ. Подсудимый, вам предоставляется последнее слово!

СЕРЖИК. Граждане судьи! Спасибо, что указали мне на мои преступления. Я хорошо знаю, что не являюсь полноправным членом социалистического общежития. Однако никаких преступлений я не совершал. Я живу честным трудом, во всю свою жизнь никакими валютными и антикварными спекуляциями я не занимался, никакой порнографии не распространял и уж точно никого и никогда не насиловал. Да, я испытываю парадоксальную страсть к

мужскому полу, понимаю неправильность и гнусность своего полового поведения, но не могу ничего с этим сделать.

АДВОКАТ. Сергей Иосифович!

СЕРЖИК (*не обращая внимания*). Сколько было моих сил, я боролся с этой болезнью, ведь моё неправильное состояние есть самая настоящая болезнь...Этот порок у меня от рождения, природа дала мне его, и как могу я идти против природы? Почему наш уголовный кодекс наказывает людей, непохожих на других? Почему меня ущемляют в моей свободе? Ведь я никому не мешаю и не совершаю никаких насилий.

АДВОКАТ (*тихо*). Сергей Иосифович! Мы же договаривались с вами... вы усугубляете своё положение...

СЕРЖИК (*продолжает, по-прежнему не обращая внимания на адвоката*). В 48-ом году, когда я был освобождён от уголовной ответственности за противоестественную связь с Микавой, который занимал тогда очень высокие посты, я думал, что моя пагубная страсть больше не проявит себя... ведь это он меня совратил... мне было всего двадцать лет и я стремился жить нормальной жизнью... у меня было много женщин... я даже женился и, между прочим, очень любил жену Светлану и моего сына Суренчика... но жена оставила меня, потому что характер мой, вспыльчивый и ревнивый, невозможно вытерпеть...

АДВОКАТ (*шепчет*). Последнее слово не является вашей обязанностью... это только ваше право...

СУДЬЯ. Ничего-ничего, пусть продолжает...

СЕРЖИК. А ещё Светлане не нравилось, что я всё раздариваю друзьям и случайным знакомым... она ругала меня за то, что постоянно выносил что-то из дома... А я не могу не делиться с людьми своими радостями, мне хочется дарить им всё самое лучшее, самое красивое, что у меня есть... И когда Светлана бросила меня, я снова почувствовал сильное влечение к мужчинам. Я очень ценю красоту, и прекрасные юноши всегда вызывают во мне чувства восторженности и восхищения. Без женщин я вполне могу обходиться, но вспышки порочной страсти к мужчинам я не могу в себе сдерживать. Когда-то я хотел даже застрелиться из-за этого... но мне не хватило мужества... я хотел жить и дарить людям прекрасные произведения, которые я умею создавать... Я – другой, да, но почему меня нужно наказывать за это? Я глубоко раскаиваюсь в содеянном и благодарю

высокий суд, прокурора и следователя за то, что наставили меня на истинный путь и помогли (*Пауза.*)... нет, я несправедлив! я не могу благодарить их... меня ломали, выкручивали мне руки...

АДВОКАТ. Сергей Иосифович!

СУДЬЯ. Интересно-интересно... не останавливайте его!

СЕРЖИК. ... не давали говорить, перебивали, хамили и не верили ни одному моему слову... Следователь подтасовывал факты... Власти приказали ему стереть меня с лица земли! Он так и говорил мне: сгноим тебя, подохнешь в тюрьме! Кожу с тебя живо сдерём! За что? Что я сделал? (*Пауза.*) Я не могу благодарить прокурора... он был очень жесток... обвинение по четырнадцати статьям! как же это можно?.. Содрали кожу! Удалось! Больше мне нечего сказать... хочу только извиниться перед солдатами конвоя, этими чудесными мальчиками, которые вынуждены были слушать всю эту грязь... Прошу суд вынести мне справедливый приговор... прошу суд убить меня наконец...
СУДЬЯ. Суд удаляется на совещание.

Судья и судебные заседатели уходят в кулисы.

АДВОКАТ. Сергей Иосифович, мы же договаривались! Я же просил вас молчать!

СЕРЖИК. Ай, джан, что я сказал? Я ничего не сказал!

АДВОКАТ. Как же не сказали! Зачем гусей дразнить?

СЕРЖИК. Но ведь я правду сказал!

АДВОКАТ. Да кому тут нужна ваша правда?

Сержик хочет что-то возразить, но тут возвращаются судья и судебные заседатели. Судья вчитывается в бумаги и начинает говорить; одновременно звучит злое музыка, заглушающая преамбулу приговора. Постепенно музыка стихает и становится слышен голос Судьи.

СУДЬЯ. ...по статье 122, часть первая – один год, по статье 211 – один год... по статье 122, часть вторая – пять лет в исправительно-трудовой колонии строгого режима...

Мелькает молния, следом звучит удар грома, свет убывает и в зале суда быстро сгущается тьма. Слышится громкий шум дождя.

АДВОКАТ. Как пять лет?

СЕРЖИК. Пять лет (*В зал.*)... ты ж мне, сука, год только обещал!

МАКАШОВ (*проворно выскакивая из кулис*). Каждый божий день станут там от тебя кусок плоти отрезать!

Снова мелькает молния и раскатисто гремит гром.

СЕРЖИК (*уныло*). Стоп! Снято!

Картина четвёртая.

На освещённой авансцене – Лиля Брик и Луи Арагон. Декорации предыдущей картины едва заметны во мраке. На заднике – панорама Парижа с силуэтом Эйфелевой башни.

ЛИЛЯ. ... а я знаю, как его вытащить оттуда... зря ты споришь...

АРАГОН. Слушай, ты что – самая умная? За него уже кто только не вступался... Амнистию ему выпрашивали... Писатели, художники... весь цвет кино петиции писал! Радио «Свобода» орёт!

ЛИЛЯ. И что? Много они наорали? Он там погибнет просто! Он же больной... лекарств не получает! А те, что есть, другим отдаёт. Я ему в прошлом году прополис посылала... надолго должно было хватить... И что ты думаешь? Взял весь кусок... развёл его в ведре и чуть не всей зоне скормил... споил... специально в санчасть пошёл... больных отпаивать... Он там чужой, инородный... помнишь, у Пушкина: «как незаконная комета в кругу расчисленных светил»... гибнет там, понимаешь...

АРАГОН. Ну, что сделаешь? Что можно сделать?

ЛИЛЯ. Всё просто! Ты попросишь!

АРАГОН. Кого я попрошу? Кто меня слушать будет? Ты ж сама говоришь: сколько уже просили!

ЛИЛЯ. Будут тебя слушать, вот увидишь!

АРАГОН. Да как? Я уж рассорился там со всеми...

ЛИЛЯ. Это ничего... ничего! Лично с Брежневым же ты не ссорился? Вот и обратись к нему... напрямую...

АРАГОН. Ты с ума сошла... где я и где Брежнев...

ЛИЛЯ. Ну, где Брежнев, мы с тобой лучше всех знаем...

АРАГОН. Не надо уточнять...

ЛИЛЯ. ... но и Арагон — не Вася с улицы... ты всё-таки всемирно известный писатель... к тому же член ЦК Французской компартии... да Лауреат же Ленинской премии, в конце концов!

АРАГОН. Ничего не получится, Лиля! Это в тридцатые я горел...

ЛИЛЯ. А кто «Коммунисты» написал? Не так давно и закончил, кстати...

АРАГОН. Где ж «не так давно»? Лет десять уже... А сколько всего случилось за это время... Не помнишь разве? Чехословакия, Солженицын... процесс Синявского и Даниэля... забыла, как мы кипели с тобой? Вот потому и не стану я обращаться... не хочу иметь с ними никаких дел...

ЛИЛЯ. Надо, Луи! Надо! Ты Брежнева лично попросишь... смотри, что получается: Советы хотят вернуть твоё расположение... ты бунтуешь... помнишь, орден тебе какой-то хотели дать... а ты их послал...

АРАГОН. ... ну, не послал, конечно... а как раз очень вежливо поблагодарил... правда, отказался... Зачем лишний раз себя дискредитировать... и так я уже...

ЛИЛЯ. Правильно — отказался! А теперь — согласишься!

АРАГОН. С чего вдруг? Какой резон мне?

ЛИЛЯ. Ради человека! Ради дела! Потому что мы попросим... ты — попросишь, а Брежнев тебя послушает. Человека спасём!

Арагон задумывается.

Ну!

АРАГОН. Хорошо! Согласен! Ради тебя. Ради памяти моей Эльзы... она много о Серёже говорила...

ЛИЛЯ. Ради него... Он великий художник... Ты его спасёшь. Мы его спасём. Всё очень просто. Обязательно сработает. Сергею года полтора ещё осталось... иначе не досидит он... погибнет... да его убьют там, не дадут выйти... Приедешь в Союз... Брежнев доволен будет... кинохроника, пресса... престиж государства... Примешь орден и на банкете потом где-нибудь замолвишь словечко...

АРАГОН. Ладно... договорились...

СЕРЖИК (*появляясь из темноты*). Лиля Юрьевна — это человек! Стоп! Снято!

Картина пятая.

Клубная сцена культурно-воспитательной части в лагере строгого режима.

Слева на сцене — двухъярусные нары, под ними — небольшой круглый столик, два стула. Справа — подвешенный, словно люлька качелей, простой некрашенный гроб, тот самый, который фигурировал в первой картине. В гробу друг напротив друга сидят Вера и Гриша.

Звучит торжественная музыка. С колосников спускается транспарант с надписью «Волосы».

Вера и Гриша, сидя друг против друга, качаются в гробу, словно на качелях. Вокруг шеи Веры — длинный газовый шарфик, развевающийся на ветру.

ВЕРА. Гришенька! Ты самый лучший!

ГРИША. Нет, Верка, это ты у меня самая лучшая! Я в тебя ещё в школе влюбился!

ВЕРА. Правда? А ты мне раньше про это не рассказывал...

ГРИША. Да я стеснялся... знаешь, как я стеснялся... я даже на физкультуре смотреть на тебя стеснялся... ты такая красивая была... у тебя уже всё было... как у взрослых женщин...

ВЕРА (*раскачиваясь*). Ты такой смешной! А я наоборот в школе над тобой потешалась... «Бородинская битва произошла при Бородино...» (*Смеётся*.) Такой смешной!

ГРИША. Зато я самый сильный был! Всех ухажёров твоих разогнал!

ВЕРА. Ой, как страшно было! Все тебя боялись... а я не боялась! Я любила тебя! Я в девятом классе уже влюбилась!..

ГРИША. Верка, давай ребёнка заведём!

ВЕРА. Давай! Давно пора!

ГРИША. Ты будешь ходить вот с таким пузом, а я буду тебя в него целовать.

ВЕРА. А потом ты будешь прикладывать к нему ухо и слушать, как там резвится наш малыш...

Останавливают «качели», выходят; стоят, обнявшись.

СЕРЖИК (*выйдя на сцену и обращаясь в зал*). Дорогая Лиля Юрьевна! Конечно, мне здесь очень непросто! Я уже немолод и болезни мои не оставляют меня... Особенно донимает диабет. С тяжёлыми работами я, конечно, не справляюсь, поэтому меня поставили уборщиком. Убираю территорию лагеря и отхожие места. Я один из самых отверженных здесь людей... кажется, меня и

к категории людей уже нельзя отнести. Однако я пытаюсь сражаться с обстоятельствами... Я ставлю спектакли о любви и судьбе...

ГРИША (*поднимается на верхние нары, сначала лежит, потом садится*). Я убийца. (Сержику.) Мне дали пятнадцать лет. Я очень любил свою жену. А она сильно любила меня.

ВЕРА (*Сержику*). Я очень любила Гришу. Я и сейчас его люблю. Семь лет уже как его посадили. А я люблю его ещё сильнее.

ГРИША. Всем, кто на лесоповале, обещали условно-досрочное. Я никогда не боялся работы. На воле я был механиком, каменщиком и сварщиком. Я многое умею. Я всегда был на хорошем счету. Начальство меня уважало. Мне всегда давали почётные грамоты... награждали. Я много зарабатывал. А здесь я семь лет отпахал на лесоповале. И однажды начальник сказал мне: ты никогда не выйдешь из зоны. Я спросил: почему? А он говорит: таких хороших работников грех отпускать, в Управлении лагерей нас не поймут.

ВЕРА. Может, он пошутил так неудачно?

ГРИША. Может, и пошутил. Знаешь, он сказал это с какой-то злобной ухмылкой, так, будто бы я лично досадил ему... И тогда я перестал ходить на работу. Я стал отказчиком.

СЕРЖИК (*в зал*). Дорогая Лиля Юрьевна! Я хочу рассказать вам об одном человеке. Его зовут Гриша. Он убийца. Его место на нарах – прямо надо мной. Мне смотрящий нашего барака дал нижнее место, хоть я и уборщик. Уборщик вообще-то не должен спать внизу. Потому что люди подобного рода относятся здесь к низшей расе. Они вообще даже и не люди. Но мне из уважения всё-таки дали нижнее место. Так вот – Гриша. Человек он тонкий, ранимый и всё понимающий. Правда, он молчун, ни с кем – ничего. Но мне удалось разговорить его. Я с ним сошёлся по-дружески, и он мне рассказал кое-что о своей жизни. Он убил человека... в ресторане... мельхиоровой вилкой...

Гриша спрыгивает вниз, садится за круглый столик, напротив садится Вера.

ВЕРА. Пять лет, Гриша! Почти годовщина! А мы с тобой за пять лет ни разу и не поссорились даже.

ГРИША. Это потому что я тебя очень сильно люблю.

ВЕРА. И я тебя люблю, Гришенька!

ГРИША. Как здорово, что мы с тобой встретились! Мне кажется, я никого не смог бы любить, как тебя...И всего-то пять лет... как один миг!

ВЕРА. Мы с тобой, Гришенька, ещё сто лет проживём... и умрём в один день...

ГРИША. Нет, Вера, нет... я раньше тебя умру... намного раньше...

Вера хочет возразить, но тут звучит танцевальная музыка и к столику Веры и Гриши подходит сильно пьяный Неизвестный фронт.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНТ (*Грише*). Позвольте, уважаемый, вашу даму на танец...

ГРИША. Она не танцует.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНТ. С какого это?..

Гриша встаёт.

ГРИША. Ни с какого... Просто – не танцует.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНТ. А ты чё за хрен с горы?

ГРИША (*сжимая кулаки*). Слушай, братан, иди до своего места...

НЕИЗВЕСТНЫЙ ФРАНТ. Ты чё, меня послал, типа? Ты кто такой? Ты знаешь хоть, с кем базаришь? Да я твою маргышку через колено имел!

Гриша каменеет на мгновенье, потом хватает со стола вилку и вонзает её Неизвестному франту в шею. Тот падает.

Вера остаётся сидеть за столиком, Гриша и Сержик подходят к нарам. Гриша снимает сверху небольшую подушечку, показывает Сержику. Руки у него дрожат.

ГРИША. В каждом письме она присылала мне прядь своих волос. У неё шикарные кудри... золотые с медным отливом... Вот, смотри, я это сам пошил... видишь, с трёх сторон – глухо... а с четвёртой – можно залезть. Я туда её локоны прячу... вон скока уже собрал...Представляешь – семь лет! В каждом письме! Знаешь, как она меня любит! Мне батяня тоже пишет... Верка твоя дома, дескать, сидит, тока на работу, тока на работу... и всё! Никуда ничего... ни-ни...

СЕРЖИК. Хорошая у тебя жена... повезло тебе...

ГРИША. А в последнем письме – вот, гляди...

Затем Арагон занимает трибуну.

Вынимает из-за пазухи надорванный конверт, достаёт оттуда прядь волос.

Седые! (Плачет.) Седые волосы! Устала ждать! Семь лет! А мне ещё столько же! Больше даже! Я не доживу... я уже написал ей, чтобы не ждала... зачем ей век свой губить? Меня всё равно отсюда не выпустят! (Плачет ещё горше.)

СЕРЖИК (в зал). Дорогая Лиля Юрьевна! Третьего дня умер Гриша. Вены себе вскрыл... какой-то железякой... ему работяги из механического принесли... Говорят: умри сегодня, а мы – завтра! Я ночью проснулся оттого, что кровь на меня капала... Его потом в грубый такой, неструганный гроб положили... А я успел под голову подушечку ему пристроить... с локонами его жены...

Гриша лежит в гробу, под головой – подушечка, гроб слегка покачивается.

ВЕРА (продолжая сидеть за столиком). Гришенька, я тебя так люблю!

СЕРЖИК. Всё, достаточно! Стоп! Снято!

Картина шестая.

На авансцене в луче света – Леонид Ильич Брежнев. Стоя на трибуне, перебирает бумаги, готовится к выступлению.

БРЕЖНЕВ (в зал). Товарищи! Дорогие товарищи! Разрешите в этот торжественный час – от вашего имени, от имени Политбюро ЦК КПСС и от имени всего советского народа приветствовать нашего большого друга, неутомимого борца за мир во всём мире, замечательного писателя Луи Арагона! В связи с 60-летней годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции и в связи с восьмидесятилетием нашего французского друга позвольте вручить ему замечательную награду – орден Дружбы народов! Попрошу товарища Арагона подняться на эту замечательную сцену!

Брежнев выходит из-за трибуны, держа в руках гигантский орден, навстречу ему поднимается из зрительного зала Арагон. Генсек прикрепляет к груди писателя красочную награду, занимающую почти всю площадь его пиджака.

Аплодисменты.

АРАГОН (в зал). Дорогие советские друзья! (Брежневу.) Дорогой Леонид Ильич!

СЕРЖИК (выскакивая из кулис со связкой разноцветных воздушных шаров). Минутку, минутку!..

БРЕЖНЕВ. Это кто?

АРАГОН. А, Сержик! Ты разве не в тюрьме?

СЕРЖИК. В тюрьме, в тюрьме! На минутку вот вышел... Сейчас обратно вернусь...

Сержик подбегает сначала к Брежневу, потом к Арагону, цепляет к их костюмам воздушные шары, отходит на несколько шагов, любитесь.)

АРАГОН. Спасибо, Серёжа!

БРЕЖНЕВ. Ну да, так лучше! Намного лучше! Это соответствует торжественности момента!

АРАГОН (в зал). Дорогие советские друзья! (Брежневу.) Дорогой Леонид Ильич!.. Позвольте поблагодарить вас за этот замечательный знак внимания... за то, что вы нашли возможным отметить столь высокой наградой мои скромные профессиональные достижения! Ещё со времён «Юманите» я являюсь самым преданным, самым искренним другом Советского Союза. В начале 30-х мы с моей супругой Эльзой Триоле в составе интернациональной писательской бригады приезжали в СССР и посещали грандиозные стройки Магнитогорска и Челябинска! Мы были потрясены индустриальной мощью вашей могучей державы! Потом мы участвовали в Первом съезде советских писателей и спустя год после съезда я опубликовал сборник статей, отражавших мои идеологические взгляды. Может быть, кто-то помнит: сборник назывался «За социалистический реализм»... И потом годы спустя, когда я возглавлял еженедельник французских коммунистов «Леттр Франсез» и был соратником Мориса Тореза в его бескомпромиссной борьбе, все называли меня истинным другом СССР и его вечным приверженцем!.. Получая эту высокую награду из рук дорогого, многоуважаемого и мудрого Леонида Ильича, хочу заверить весь советский народ: мы вместе! Пускай же наша дружба будет крепнуть день ото дня! Пускай никогда не прервётся наша многолетняя связь!

СЕРЖИК (неожиданно). ... интимная!

БРЕЖНЕВ. Ура, товарищи!

СЕРЖИК. Ура! (Дёргает за ниточку детской хлопушки, обсыпая конфетти Брежнева и Арагона.)

АРАГОН. Кстати! Леонид Ильич! Дорогой, многоуважаемый и мудрый Леонид Ильич! У вас в тюрьме томится режиссёр Сергей Иосифович П., это, знаете, безобидный такой, безвредный абсолютно человек... за язык сидит... вы не поверите, он мать продаст ради красного словца... Отпустите его, он больше не будет!

СЕРЖИК (про себя). А я всё равно буду!

БРЕЖНЕВ. А кто это – Сергей Иосифович П.? Никогда не слышал о таком...

АРАГОН. Хороший человек! Смотрите, какой весёлый! (Показывает на Сержика.)

Сержик жонглирует разноцветными мячиками, показывает фокусы, исполняет весёлый танец.

БРЕЖНЕВ (аплодируя). Замечательно! Изумительно! Bravo! Брависсимо! Конечно, освободим! Нельзя таким людям в тюрьме сидеть!

СЕРЖИК. Да здравствует социалистический сюрреализм! Ура! Стоп! Снято!

Картина седьмая.

Клубная сцена культурно-воспитательной части в лагере строгого режима.

Звучит торжественная музыка. С колосников спускается транспарант с надписью «Ногти».

В центр сцены, сопровождаемый конвоиром, проходит грабитель Вася – страшноватого вида низкорослый горбун. В руках у него преувеличенно большие ножницы и помятое ржавое ведро.

В углу сцены – группа зэков.

КОНВОИР (зэкам). Стройся! Не толпись! По порядку!

Зэки выстраиваются в неровную шеренгу.

ВАСЯ. По одному!

Зэки начинают движение, идя широким кругом, в центре которого Вася восседает на высокой табуретке. Короткие ножки его не достают до пола. Время от времени процессия

останавливается, один из зэков покидает шеренгу, подходит к Васе и тот стрижёт ему ногти.

ЗЭК. Ай! Больно!

ВАСЯ. С какого те больно?

ЗЭК. Мать-перемать! Ты же пальцы режешь!

ВАСЯ (строго). А ты не замай! Смирно стой! Не растаешь, чай, не сахарный!

ЗЭК. Ай!

СЕРЖИК (выходя из шеренги зэков, в зал).

Дорогая Лиля Юрьевна! Раз в месяц к нам приводят специального стригалья, он стрижёт зэкам ногти. По лагерным правилам нам запрещено иметь в собственности режущие и колющие предметы. Потому и приходит к нам этот чёртов стригаль. Он такой же зэк, как и мы. Зовут его Вася. Говорят, Вася – грабитель и каннибал, но я не особенно в это верю. Может, и убийца, но не каннибал, потому что за двенадцать лет своего сидения он не съел в лагере ни одного зэка. И в администрации от него пока никто не пострадал. Лично я его очень жалею – за хромоту и кособокость. Правда, он насилует здесь молодых «петушков», но это можно оправдать отсутствием в лагере представительниц лучшей половины человечества...

ВАСЯ. Не замай!

Слышен лязг чудовищных ножниц.

Из кулис выходит следователь Макашов.

МАКАШОВ. Каждый божий день станут от тебя кусок плоти отрезать!

СЕРЖИК. Обычно он стрижёт ногти весь день с перерывом на обед и, сожрав свою дневную баланду, снова принимается за дело. К вечеру ногтей набирается целое ведро, и тогда в вечерних сумерках он идёт с конвоиром за ворота – хоронить наши ногти.

Вася поднимается и уходит с ведром в дальний угол сцены.

Он идёт... а мятое ведро его жалобно скрипит, покачиваясь на ржавой ручке... Третьего дня он снова приходил к нам. После экзекуции, когда он отправился выносить ведро, я глядел ему вслед... пальцы мои, топорно обструганные этим изувером, нестерпимо болели... У ворот,

сразу за колючей проволокой было какое-то заколдованное место, небольшая полянка, всегда свободная от снега... снег никогда не ложился там... даже в сильную метель! И вот Вася после стрижки всегда шёл туда и высыпал в чёрную дымящуюся землю наши ногти... освободившиеся из заключения куски нашей плоти...

Звучит музыка и под эту музыку, высыпав из ведра ногти, Вася начинает ритуальный шаманский танец. Свет убывает и злое щиплющие чёрные тени начинают плясать вокруг горбатого ээка.

МАКАШОВ. ... кусок плоти отрезать...

СЕРЖИК. Он засеивал землю нашими ногтями!

Вася продолжает танцевать.

И земля плакала, принимая эти страшные семена!

В злое щиплющую музыку врываются крики, стоны, младенческий плач, мольбы, дикий смех и звуки ударов.

А весной, когда вокруг зоны начинала пробиваться из каменистой почвы чахлая трава, в том месте, где была посеяна наша плоть, выростали чёрные кусты. И на них чудовищными розетками распускались скрюченные, болезненно искривлённые ногти! Чёрные, серые, тёмно-коричневые... грязно-голубые... ногти наших искорёженных судеб! (*Плачет.*) И ветки там всегда шевелились под ветром, словно обугленные пальцы! И какой-то шёпот слышался со всех сторон... А однажды ээки возвращались с лесоповала...

Ээки, которым стригли ногти, сбиваются в относительно ровный строй; среди них – Гриша с бензопилой.

... и убийца Гриша, – помните, я вам писал о нём недавно, тот самый, который человека вилоккой убил... он тогда ещё работал, надеясь на условно-досрочное освобождение... так вот этот Гриша возле самых ворот вдруг выбежал из строя, врубил свою бензопилу – у него в руках бензопила была – и как давай кусты с ногтями рубать!.. мы все плакали (*Плачет.*)... потому что срезанные кусты кровоточили... а поляна кричала и стонала... Дорогая Лиля Юрьевна! (*Кричит.*) Не могу

больше здесь! Я весь, с головы до ног опутан колючей проволокой! Не могу больше! Проклятые кусты душат! Дышать нечем... задыхаюсь тут... нету больше сил... нету... нету... нету...

ВАСЯ. Ужо тебе! Не замай!

СЕРЖИК (*утирая слёзы*). Стоп! Снято!

Картина восьмая.

Под торжественную музыку и грохот аплодисментов на сцену выходит Сержик. Он в необычайно богатом и красочном халате, расшитом золотыми узорами и убранном драгоценными камнями. На голове у него – фантастический головной убор, отчасти похожий на восточный тюрбан, многоцветный, яркий, также блистающий драгоценностями и увешанный жемчужными нитями. В руках Сержик держит небольшой, украшенный разноцветными лентами транспарант, на котором написано NOSMOKING! Подойдя к трибуне, он вставляет его в специальный кронштейн.

СЕРЖИК (*в зал, распахивая халат*). Ноу смокинг, товарищи! Да здравствуют расшитые золотом халаты! Долой смокинги и фраки, это жалкое одноцветное прибежище скучных моралистов! Спасибо всем, кто пришёл сегодня на мой творческий вечер! Вы правильно сделали! Вам выпал уникальный шанс – беседовать с одним из величайших художников современности! (*Аплодисменты.*) Решением авторитетной комиссии моё имя внесено в список двадцати гениев мирового кинематографа! Мне рукоплескали столицы мира! На премьерах моих фильмов зрители стоя скандировали «Гений, гений, гений!» Но я вам скажу по секрету (*Понижает голос.*)... что я вхожу также в пятёрку самых известных педерастов в мире! Я даже в тюрьме сидел за это. Четыре года! Целых четыре года! Пусть будут прокляты те, кто посадил меня! И пусть благословен будет светоч единственного на планете по-настоящему свободного государства рабочих и крестьян – великий, мудрый и любимый Леонид Ильич Брежнев! Который освободил меня!

Аплодисменты.

Идёт к кулисам, за руку выводит оттуда Брежнева.

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Это ваше истинное отношение к Генеральному секретарю нашей партии?

СЕРЖИК. А как же? Конечно! Ай, джан! Это замечательный человек и талантливый актёр!

Брежнев принимает на сцене различные позы, демонстрируя себя примерно так, как это делают культуристы.

Я вам снова по секрету скажу (*Понижает голос.*)... следующей осенью я буду снимать его в своём новом фильме... «Гамлет»! он будет играть у меня Гамлета! Леонид Ильич – пластичный и подвижный... у него стройные ноги...

БРЕЖНЕВ (*декламирует*).

*...не дай сгореть в неведенье, скажи,
Зачем твои схороненные кости
Раздрали саван свой; зачем гробница,
В которой был ты мирно упокоен,
Разъяв свой тяжкий мраморный оскал,
Тебя извергла вновь? Что это значит,
Что ты, бездушный труп, во всем
железе
Вступаешь вновь в мерцание луны,
Ночь исказив...*

СЕРЖИК. Прекрасный актёр! За-ме-ча-тельный! Чудесные брови, благородной лепки голова! Он тоже гений!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Кто будет финансировать съёмки? Говорят, это зарубежный проект?

СЕРЖИК (*с воодушевлением*). Да! Финансировать будет Юнеско! Замечательный югослав! Молодой, красивый... миллионер! У него нефтяные скважины на Арктическом шельфе! Денег даёт сколько угодно! Так и сказал: бери, Серёга, столько долларов, сколько тебе нужно!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. Погодите, Сергей Иосифович! ЮНЕСКО – это ж вроде международная организация!

СЕРЖИК (*обескураженно*). Да? А я и не знал... Я думал – югослав... Впрочем, к чёрту Юнеско! Ещё и неизвестно, выполнит обещание или не выполнит... К чёрту его!

ГОЛОС ИЗ ЗАЛА. О чём вы мечтаете в этой жизни?

СЕРЖИК. О тёплом туалете! Я всегда отвечаю на этот вопрос именно так. Потому что у меня никогда не было тёплого туалета... И сейчас нету! А вот у Леонида Ильича есть! Правда, Леонид Ильич?

БРЕЖНЕВ. Конечно! Ещё какой! И не один даже!

СЕРЖИК. В Тбилиси у меня и сейчас примитивный холодный туалет из кривых неструганных досок... вы не поверите, он даже протекает... кстати, один мой клиент в этом туалете уронил сами понимаете куда огромное кольцо вот с таким (*Показывает.*) бриллиантом... моё, между прочим, кольцо... а я и не расстроился... пропади оно пропадом! А когда я был в Голландии, к примеру, так нас там в королевский дворец повезли... я скромничать не стану... чтобы вручить мне почётный диплом «Маэстро XXI века» А там – стол! Заморские яства! Делфтский фаянс! Севрский фарфор! Ели вы когда-нибудь с такого фарфора? Нет, конечно! Вы из алюминиевых мисок жрать привыкли! Как в зоне! Советский человек живёт в вечной зоне! Вы же все – в зоне! Вы знаете, что такое свобода? Свобода – это возможность говорить, что хочешь! Жить, как хочешь! Возможность не быть зависимым от чиновников! Дарить себя людям без остатка! Иметь много денег и тратить их без оглядки! (*Неожиданно.*) Свобода – это тёплый туалет!

БРЕЖНЕВ. Ну... это мещанские представления!

СЕРЖИК. Ага! Мещанские представления! Сам же сказал сейчас, что хороший туалет есть... и даже не один!

БРЕЖНЕВ. Так я Генсек!

СЕРЖИК (*начинает вдохновенно метаться по сцене в крайнем возбуждении*). А я чем хуже? Но пусть, хорошо, пусть это – мещанские представления! Да! Но это – свобода, я же говорю! Вот прихожу я в королевский туалет, а там всё в мраморе, в благородном граните, старинные зеркала в золочёных рамах, унитазаы – не поверите – снова из севрского фарфора! примостился я осторожно на этот фарфор, ну, посидел... поразмышлял о душе, о бренности человеческого бытия... потом думаю: пора!

Исподволь начинает звучать торжественная грозная музыка.

Нажал какую-то золотую кнопку и вдруг меня как давай внутрь унитаза втягивать! Ужас! я перепугался, скорей другую какую-то кнопку – рраз! и тут меня могучей такой струёй как вытолкнет наружу! Да в дверь башкой! Да как понесёт по коридору! А я без штанов! А там гэбэшники... контролируют

меня... увидели такое дело, хватать пистолеты и давай мне в голый зад целиться! Бах, бах! *(Имитирует выстрелы из пистолета.)* Мимо! Косые! Стрелять не научились... подсматривать да подслушивать только мастера... *(Продолжает метаться по сцене.)* Вот – свобода! Вот равенство и братство! Вот туалет из мрамора и гранита! *(Последние слова его перекрывают бурные аплодисменты. Сержик поднимает руки в упредительном жесте.)* Ну, всё, всё! Не надо аплодисментов! *(Аплодисменты постепенно стихают.)* К чему эти ненужные почести, восхваления и посулы? К чему этот культ личности?

Музыка, поднявшись до уровня своего максимального звучания, резко стихает.

БРЕЖНЕВ. Да здравствует Сержик!
АНЯ *(падая с колосников в богатой меховой шубе и вычурной шляпе, украшенной овощами и фруктами).* А с Марчелло так и не познакомил! Может, уже познакомишь, наконец?

СЕРЖИК. Ай, джан! Стоп! Снято!

*Затемнение.
Занавес.*

Действие второе.

Картина первая.

Неосвещённый павильон киностудии. Сумерки настолько непроницаемы, что зритель способен увидеть только неясные контуры предметов.

На авансцене – Сержик, Мессерер и Ахмадулина.

СЕРЖИК. Белла, я так тебя люблю! Пусть Боря на меня не обижается! Я хочу подарить тебе этот камень... посмотри, какой красивый топаз! Ты, наверное, такого огромного и не видела никогда...

БЕЛЛА *(растерянно).* Серёжа... *(Пауза.)* Серёжа... я не могу принять... это очень дорогой камень...

БОРИС. Ого! Вот это красота... да он, кажется, антикварный...

СЕРЖИК. Конечно, антикварный! Смотри, какая оправа! Золото! Самое настоящее червонное золото! Бери, Белла! Не обижай старика! Это мне сам Католикос подарил!

БЕЛЛА *(в изумлении).* Католикос?

СЕРЖИК. Вазген Первый! Лично! В благодарность за мои творения! Даже руку пожал!

БОРИС. Фантастика! А где ты с ним встречался, Серёжа?

СЕРЖИК. В Эчмиадзине, где ж ещё? Персональное приглашение!

БЕЛЛА. Сержик, я не могу принять!

СЕРЖИК. Не стесняйся! Меня ещё куда-нибудь пригласят, опять чего-нибудь подарят! Ты же знаешь, я везде желанный гость! Меня постоянно приглашают... короли, королевы... и прочие монархи... Папа Римский меня, кстати, очень любит... у Патриарха я вообще прописался... ты слышала, что меня гением называют? Ты бери, я себе ещё достану! Султан Брунея недавно мне письмо написал... приезжай, говорит, Серёга, погостить... поживи, говорит, месяцок-другой... у меня, дескать, гарем хороший... Махараджа тоже звал... через послов приглашение доставили: любишь ли ты, мол, Серёжа, индийский чай? Приезжай, что ли, хоть на чашку чая...

БОРИС. Серёжа... в Индии же вроде республика... откуда там махараджа?

СЕРЖИК. Да? А я и не знал...Неважно, впрочем! Главное – приглашали! А в Индии знаете, какие драгоценные камни... Боря, хочешь я тебе оттуда изумруд привезу?

БОРИС. Сержик, спасибо, не надо ничего!

СЕРЖИК. Слушайте, мне президент США ракетный комплекс недавно подарил... По совету Леонида Ильича... подари, говорит, Джимми, нашему Серёге ракеты с разделяющимися боеголовками... он им мирное применение найдёт... и найду, конечно, найду... у нас же сейчас – ограничение стратегических вооружений... там такие ракеты... фантастической красоты! я из них башни счастья построю... хотите подарю? Летать станете на них... авиабилеты не нужно будет покупать! Экономия! Я у Картера могу даже авианосец попросить. Он мне не откажет! Потому что я – кто?

БЕЛЛА. Гений, Серёжа, конечно, гений! Такому, как ты, невозможно отказать!

СЕРЖИК. Да! *(Торжественно.)* Белла! Борис! Вот и не откажите мне в любезности! Почтите своим присутствием торжественный показ костюмов к моему новому фильму... завтра, в десять утра в павильоне номер пять нашей высококочтимой киностудии...

Торжественный звук фанфар, выпевающих призывные мелодии. Яркий свет. Цветные фонари. На небольшом возвышении стоят, словно на трибуне, Сержик, Борис, Белла, два-три члена худсовета.

Вдоль сцены расстелены чудесные ковры, расставлена старинная утварь – кувшины, драгоценная посуда, изделия ремесленников, керамика, оружия, массивные ювелирные украшения, богато украшенная конская упряжь... Под мелодию дудука мимо этих сокровищ идёт красочная массовка в национальных костюмах: караванчики, купцы, погонщики, восточные красавицы, рабы, подростки; лошадей, верблюдов и собак можно представить большими мягкими игрушками; в процессе есть даже грациозная пантера... Массовка идёт по кругу, – входя в левую кулису, делает за сценой переход и вновь появляется уже из правой.

БЕЛЛА. Как красиво, Серёжа!

СЕРЖИК. Ай, джан! В фильме будет в тысячу раз красивее!

БОРИС. Это просто потрясение!

СЕРЖИК. Я ещё и не так могу!

БОРИС. Какой сложный порядок представления эскизов! Так всегда?

ПЕРВЫЙ ЧЛЕН ХУДСОВЕТА. Скорее – никогда. На моей памяти во всяком случае такого ни разу не было. А я в кино уже двадцать восемь лет...

ВТОРОЙ ЧЛЕН ХУДСОВЕТА. Это возмутительно! Кто позволил? Какое расточительство!

БОРИС. У нас в театре, конечно, такого тоже нет. Просто делаем эскизы. Всё проще намного.

ВТОРОЙ ЧЛЕН ХУДСОВЕТА. Вот я и говорю... для чего столько денег нужно было тратить?

БОРИС. Спектакль... настоящий спектакль... Какие типажи, грим... костюмы...

СЕРЖИК (гордо). Я сам делал...

БЕЛЛА. Музыка!

БОРИС. Как всё переливается, искрится, играет и горит...

Музыка меняет свой ритм, постепенно начинают преобладать танцевальные мелодии, массовка танцует.

БЕЛЛА. Боже!

ВТОРОЙ ЧЛЕН ХУДСОВЕТА. Ну и зачем? Это ж государственные деньги! Можно было просто развесить эскизы костюмов... у нас для этого специальная комната есть... и всё... и кинопробы в зале показать... К чему эти траты?

ПЕРВЫЙ ЧЛЕН ХУДСОВЕТА. Зато всё наглядно. Думаю, эскизы мы безоговорочно утвердим. Очень всё осязаемо... я вижу будущий фильм...

ВТОРОЙ ЧЛЕН ХУДСОВЕТА. Да, но деньги! Я всё-таки поставлю вопрос перед руководством студии! Это безобразие!

БЕЛЛА. Какая красота...

СЕРЖИК. Тебе правда нравится?

Массовка и члены худсовета покидают сцену.

БОРИС. Серёжа, спасибо тебе за приглашение. Я такого никогда не видел.

СЕРЖИК. А что если мы отметим это дело?

Картина вторая.

Все трое перемещаются в глубину сцены и усаживаются за дворовый стол, который так и остался одним из островков показа, – на нём старинные кувшины, антикварные блюда и вазы, наполненные красочными фруктами, изящные бокалы и фужеры. Параджанов разливает вино.

СЕРЖИК. Белла, хочу выпить за тебя! Ты великая поэтесса и очаровательная женщина! Приезжайте почаще, друзья... я всегда рад вас видеть!

БЕЛЛА. Спасибо, Серёжа!

БОРИС. А ты не забывай заезжать к нам в Москве!

СЕРЖИК (поднимает бокал). Ну! Пусть удвоится и утроится всё прекрасное!

Пьют.

БОРИС. Серёжа, откуда у тебя всё это великолепиие?

СЕРЖИК. Наворовал!

БОРИС (укоризненно). Сер-ё-ёжа...

СЕРЖИК. Ну, наворовал... из песни слова не выкинешь... покупал... выменивал... кое-что дарили... Я же антиквар во втором поколении. Мой папа был самый знаменитый тбилисский антиквар. А когда папу сажали, его делами занималась мама.

(Хвастливо.) У нас в доме всегда были драгоценности, золото... А папу часто сажали. Он всю жизнь был неблагонадёжным. Его советская власть не признавала. Что это за профессия такая — антиквар? Вот слесарь — другое дело! Или там, к примеру, токарь!.. (Со вздохом.) Меня вот тоже не признают... советская власть меня всё уничтожить норовит... да и в жизни доброжелателей хватает...

БОРИС. Так ты ж сам людей настраиваешь... сколько раз я слышал... грубишь, хамишь, матом ругаешься... Язык же у тебя без костей! Как же можно на съёмочной площадке матом ругаться?

СЕРЖИК. А если они не понимают? Я говорю: мне верблюды нужны! Немедленно дайте мне верблюдов! Нету верблюдов! Не могут достать! Я говорю: мне павлины нужны! Где павлины? Я просил павлинов для съёмки! Какого...! Ничего не исполняют! Замысла не видят! Говорят, что я какую-то х...ю снимаю! Я говорю: всадников в кадр! А они мне: сразу не получается... нам доскакать нужно... время нужно! Они мне ритм ломают! В фильме должен быть ритм! Фильм — это песня! Это песня из цветов, фруктов, старинных кувшинов... прекрасных женских тел, верблюдов, павлинов и грациозных пантер... это песня, где гремит Кура, где благоухает в феврале цветущий абрикос и дымятся на окраинах серные источники, где шумят древние тифлисские бани и медленно ползёт ввысь городской фуникулёр...

БОРИС. Слушай, Сержик, Александр Македонский, конечно, герой, но зачем же стулья ломать?

СЕРЖИК. А иначе они не понимают! Покроешь вот матом хорошенько, так сразу всё и появляется! (Сокрущённо.) Жаль каскадёров не могу покрыть... от них по морде, пожалуй, как раз и схлопочешь... Ничего... ничего... Зато меня будут помнить... Мне памятник в Тбилиси поставят! У кого хочешь спроси! Всякий скажет тебе, что я — великий! У Феллини спроси! У Тонино Гуэрры спроси! У Тарковского спроси! А вот Жора, папа моего племянника — не верил! Царствие ему небесное! Ты, говорит, так себя ведёшь, будто бы «Броненосец «Потёмкин» сейчас снял! Тоже мне, дескать, гений кинематографа! А я вам сейчас покажу...

Выходит из-за стола, берёт из груди реквизита красивую, украшенную

разноцветными лентами коробку, открывает её. В коробке — целая куча чёрных сатиновых трусов. Сержик натягивает их сверху, снизу, даже надевает на голову.

Вот! Смотрите! У нас тут недалеко Лёва-цеховик живёт, большой мой поклонник, между прочим. Его тоже сажают без конца... за то, что он людям одежду шьёт. Вот он сшил мне двадцать четыре пары трусов... на мою корму не сыщешь трусов... Это тебе, говорит, на год, потом ещё, мол, сошью... А до этого я в маминых трусах ходил... ну, и что? Что здесь такого? Приехал Азнавур, так Жора... племянника папа, я же говорю... до него докопался: гений Сержик или не гений? Шарль ему спокойно так и сообщает: успокойся, мол, Жора! конечно, Сержик гений, ты даже и не сомневайся! А Жора говорит: чё ж он тогда в маминых трусах-то ходит? Разве может гений в маминых трусах ходить?

БЕЛЛА (плача). Серёжа... Серёжа...

СЕРЖИК. Не плачь, Белла! Мне приятно было в маминых трусах ходить... Спасибо Лёве-цеховику, выручил! Правда, потом его опять посадили... так и сидит до сих пор... жалко Лёву, хороший был мастер... (Неожиданно.) А я половину трусов Эльдару Рязанову послал! То-то он обрадовался! Рязанов, кстати, меня тоже очень признаёт... А Жора вот всё не верил... А ведь я доказал... правда, после смерти уже... после его смерти... Я его так проводил, как никто бы не проводил! Потому что Анька, сестрица моя, вообще ничего не хотела... в закрытом гробу, говорит, похороним да и всё! До чего тупая у меня сестра! Мужика своего в закрытом гробу хотела хоронить! Эх! Разве можно так? Ненавижу её! Жадина, скопидомка! А Жору я с почестями проводил. В миру Жора был красавец... он парикмахером работал и это всегда добавляло ему особого шарма... как же он после смерти может плохо выглядеть? Не может! Разве я допущу такое?

С колосников спускается гроб с телом Жоры. Сержик подбегает к нему, рыдает, простирает руки к небу, словно бы моля Господа о снисхождении к покойному.

Жора! Бедный Жора! Я так тебя любил! Я так тебя уважал! На кого ты покинул меня? Мне ж теперь одному с сестрой сражаться! А

ведь она вредина и скупердяйка! Бедный Жора! До чего она тебя довела! Ты такой худой! А что у тебя в штанах! У тебя же ничего почти не осталось в штанах! Всё из-за неё! Это она истончила твоё мужское достоинство! Нет, Жора! Я этого так не оставлю! *(Выбегает на середину сцены, роется в куче реквизита, достаёт из-под вороха ковров цветные тряпки, куски поролона.)* Вот, нашёл! *(Белле и Борису.)* Я ему красивую фигуру сделал, прямо под костюм тряпки насовал... чтобы он красивше стал... а на месте мужского достоинства я такой богатый объём ему создал! Заглядень!

Звучит торжественная и скорбная музыка.

При жизни Анька ничего подобного никогда не видела! Таким объёмом можно гордиться! *(Засунув под костюм Жоры поролон и тряпки, слегка подталкивает гроб, который начинает медленно раскачиваться на тросах.)* А потом я его заgrimировал... да так, что на панихиде все просто изумились! Я ему сделал грим императора Фердинанда! Румяные щёки, подведённые брови, завитые усы! Красавец! Не хуже, чем в жизни! На Дали ещё был очень похож! *(Носится по сцене, влетает за кулисы, выводит оттуда свою сестру Аню. На голове Ани – два парика, снизу рыжий, сверху чёрный.)* А Аньку одел в бобровую шубу *(Помогает Ане надеть шубу.)*... и посадил на персидскую подушку! *(Белле и Борису.)* Вы знаете, что шуба – это униформа тбилисских вдов? Она сидела в ногах у Жоры *(Снимает с Ани оба парика и водружает на её голову чёрную подушечку.)*... и тихо плакала... на голову я ей положил маленькую чёрную подушечку, а сверху – спелый алый гранат...

Музыка стихает. Белла и Борис потрясены.

БОРИС. Серёжа, тебе нужен фильм об этом снять...

СЕРЖИК. Я сниму... обязательно сниму... назову «Исповедь»... фильм про то, как снесли наше старое кладбище, а на его месте разбили парк культуры и отдыха... Как мои предки с тех пор стали приходить ко мне... жаловаться и просить убежища... Про то, как я умер в детстве... Про то, как тоскую я по жене... как скучаю по сыну... знаете, какой у

меня сын? Красавец! Стройный, кудрявый! Апполон! Знаете, на кого похож? На Алена Делона! Архитектором хочет стать...

Входит сын Сержика – Суренчик, рыхлый, толстый мальчик лет двенадцати, неловкий и нескладный.

СУРЕНЧИК. Папа, я решил постирать свои вещи!

СЕРЖИК. Ай, джан! Молодец, Суренчик! Возьми у тёти Ани порошок, тазик и стирай!

Из кучи реквизита Суренчик выбирает разноцветное тряпье, замачивает его в тазике, щедро сыпет стиральный порошок. Поодаль на прежнем месте сидит Аня, она снова в двух париках – рыжем и чёрном, без шубы, в обычном домашнем халате.

АНЯ. Суренчик, дорогой, ты где порошок взял?

СУРЕНЧИК *(поднимая мокрые тряпки).* У тебя в шкафу, тётя!

АНЯ. Скажи папе, дорогой, чтобы он дал тебе двугривенный!

СУРЕНЧИК. Зачем, тётя?

АНЯ. Чтобы купить мне пачку порошка. Пойдёшь в керосиновую лавку к Мойше Кабанчику и купишь... заодно скажи отцу, что он должен мне ещё кусок мыла...

СЕРЖИК *(резво подскакивая к сестре).* Кусок мыла я тебе должен, да? Ах ты, ведьма старая! Почему же это я тебе без конца что-то должен? Почему же мне ты ничего не должна?

АНЯ *(повышая голос).* Да потому что я у тебя ничего не ворую! А ты у меня воруюшь... постоянно воруюшь! Кто на прошлой неделе мясо из холодильника упёр?

СЕРЖИК. Так у меня еды вообще не было! Тебе что, жалко, что ли?

АНЯ. А мне кушать не надо! Я пенсионерка, у меня и так маленькая пенсия! А ты всё воруюшь и воруюшь! То мыло, то керосин, то посуду... ты зачем, сволочь такая, лифчик у меня украл?

СЕРЖИК. Так у меня голова мёрзла!

АНЯ. Люди добрые! Мой брат – сумасшедший! Совсем свихнулся! У тебя разве шапки нету? Кто же из нормальных людей лифчик на голову надевает?

СЕРЖИК. Да нормально! У тебя размер подходящий! Ну, была шапка, так я её Фрунзику отдал... Человек шапку потерял!

Пускай он теперь замёрзнет насмерть? Пускай он теперь менингитом заболает?

АНЯ (*подбегая к брату*). А вот это что на тебе? (*Хватает его за лацканы пиджака.*) Ведь это Жоры пиджак! Как ты смел, негодяй, взять пиджак моего мужа? (*Пытается снять пиджак.*)

СЕРЖИК (*в искреннем изумлении*). Зачем ему? Дура! Сама сумасшедшая! Совсем спятила! Он же помер давно! Нахрена ему пиджак?

АНЯ. Скотина! Псих! Великий режиссёр он, видите ли! Ты ворюга! Урка! Правильно тебя в тюрьме держали! (*Не оставляет попытки снять с Сержика пиджак.*) Пускай ещё посадят!

Сержик вцепляется ей в голову, парики летят наземь, начинается потасовка, крики, вопли, мат.

СЕРЖИК. Жадюга! Плюшкин! Брату пиджак пожалела! Пропали ты пропадом со своим пиджаком! (*Снимает пиджак, бросает ей в лицо.*) Куском хлеба с братом не поделилась! За что же мне такая сестра! Подавись! Хлебом подавись, мясом подавись, пиджаком подавись! (*Хватает тазик с замоченным бельём.*) Порошком своим поганым подавись! (*Опрокидывает тазик ей на голову.*)

АНЯ. Ай! Убил, господи, убил! Зарезал! Люди добрые, зарезал! (*Продолжая вопить, носится по сцене.*)

Белла и Борис вскакивают со своих мест. Суренчик стоит, застыв в недоумении.

СЕРЖИК. Стоп! Стоп-стоп! Всё! Всё, говорю! Снято!

Картина третья.

Кабинет следователя Макашова. За столом – Макашов, против стола на табурете – Сержик.

МАКАШОВ. Ну вот вы снова и попались, Сергей Иосифович! От нас ведь не уйдёшь. Если человек виноват, то это навсегда.

СЕРЖИК. А что случилось? Почему меня арестовали? В чём я опять провинился?

МАКАШОВ. Очень просто! Вы же не хотите жить, как добропорядочный гражданин... не хотите чтить Уголовный кодекс...

СЕРЖИК. Вы что, совсем, что ли, с ума тут соходили? За пачку стирального порошка? У вас по всей стране вагонами воруют... а вы хоть бы хны! У вас вагон денег государственных упёрли, а вы – гуляй, Вася, ешь опилки... ты хозяин лесопилки... Кому-то, значит, можно вагонами, а мне пачку порошка у сестры нельзя...

МАКАШОВ. Нет, Сергей Иосифович, вовсе нет! Какой порошок? При чём здесь порошок? Вы арестованы за взятку!

СЕРЖИК. За какую ещё взятку? Это дутое дело! Вы же сами его и раздули.

МАКАШОВ (*вкрадчиво*). Я бы поостерегся, Сергей Иосифович, на вашем месте...

СЕРЖИК. Ну, дал я пятьсот рублей одному хорошему человеку... так на лечение помог... трубы у него с утра горели!

МАКАШОВ. Вы мне тут юридивого из себя не стройте! Три года назад ваш племянник Гарик... знаете такого?

СЕРЖИК. Ну как же! Кто ж откажется от родного племянника... хоть он и Анькин сын! Сука всё-таки у меня сестра!

МАКАШОВ. Так вот... ваш племянник Гарик три года назад незаконно поступил в театральный институт...

СЕРЖИК. Как это незаконно?

МАКАШОВ. А так! Как будто вы не знаете! Ваш Гарик в экзаменационном диктанте сделал почти шестьдесят ошибок!

СЕРЖИК. Не может быть!

МАКАШОВ. Да! Сделал! И как же он в институт поступил с таким диктантом?

СЕРЖИК. Как?

МАКАШОВ. А вот почитайте... показания его сокурсников... читайте, читайте (*Протягивает ему бумаги.*)... много интересного узнаете... как раз то, что вы хотели скрыть от следствия...

СЕРЖИК (*читает*). «... подумаешь, ошибки! Меня не за диктант приняли, а за мой природный артистизм! Я же, в конце концов, не диктанты на сцене писать буду... Да мне вся приёмная комиссия рукоплескала! Вот они, гены, говорят! Дядя – великий режиссёр, художник, творческая личность... и племянник не отстаёт! Молодец! Да только из одного уважения к дяде примем! Я вообще – самый дорогой студент Советского Союза! Потому что дядя за каждую мою ошибку бриллиантами заплатил!..»

МАКАШОВ. Другим похвалялся!

СЕРЖИК. Пьяный был! Какие бриллианты? Это какая-то ошибка! Гарик прекрасно сдал творческие экзамены, я

точно знаю... этюд у него был самый лучший, басню он читал, как бог, а стихи великого армянского поэта Пушкина продекламировал просто гениально!

МАКАШОВ (озадаченно). Помилуйте, Сергей Иосифович, какой же Пушкин армянский поэт?

СЕРЖИК. Наш поэт! На армянина похож. А бакенбарды вообще как у армянина...

МАКАШОВ. Ну, знаете!..

СЕРЖИК. Давайте не будем вступать в литературоведческие споры. Вернёмся лучше к бриллиантам. Вот с бриллиантами у вас опять подстава какая-то, честное слово! Зачем вы это делаете? Откуда у меня бриллианты?

МАКАШОВ. Откуда у вас бриллианты? Святая простота! Не знает ничего! Вы вспомните обсуждение в Театре на Таганке...

СЕРЖИК. Какое обсуждение? Я не помню.

МАКАШОВ. Дурочку включаете? Спектакль о Высоцком... Обсуждение спектакля о Высоцком.

СЕРЖИК. А что такое?

Освещение меняется, Сержик выходит на авансцену и под шумные аплодисменты поднимается на трибуну.

Хороший спектакль! Прекрасный спектакль! Спасибо Юрию Петровичу за то, что пригласил меня на это обсуждение! Я вообще случайно в Москве... живу себе у Катанянов как у Христа за пазухой, меня холят да лелеют, берегут... никуда не пускают... в Дом кино даже не пускают, говорят, я там возбуждаюсь и начинаю пороть всякую чушь... небылицы рассказывать... они ошибаются, очень даже ошибаются... наоборот, я всегда правду говорю и люди ждут от меня правду... вот сюда, между прочим, тоже не хотели пускать... зачем тебе, говорят, новые неприятности? Но во-первых, Юрий Петрович Любимов — мой друг, во-вторых, Володя Высоцкий тоже был моим другом, а я за эти дружбы кому хочешь глотку перегрызу... И вот я не понимаю, почему чиновники решают судьбу этого замечательного спектакля? До каких пор серые крысы будут решать судьбы тигров и львов? (Сходит с трибуны.) Смотрите, сколько людей в этом замечательном зале! (Протягивает руки в зрительный зал.) И какие люди! Элита... лучшие имена нашего

искусства. Вот почему им нравится? А охранителям не нравится! От чего они народ охраняют? Юрий Петрович таблетки глотает, а они улыбаются... им, видите ли, весело... Они рады! Юрий Петрович, плюньте вы на них! Пусть закрывают! Пусть издеваются! Вы не делайте ничего в этой стране! Я же вот тоже ничего не делаю... мне не дают просто! Я уже несколько лет ничего не делаю! Я денег не зарабатываю! Они думают — я с голоду подохну! Они этого и добиваются! В тюрьге не сгноили меня, теперь хотят, чтобы я на воле подох! Не подохну! Я бессмертен! У меня пожизненное содержание от папы Римского! Это тоже мой лучший друг! Он мне бриллианты посылает, драгоценности... постоянно... я икру каждый день кушаю! А вино у меня в доме рекой льётся! Не подохну... назло им... никогда не подохну!

Освещение вновь меняется, Сержик возвращается к своей табуретке в следовательском кабинете.

МАКАШОВ. Ну что, вспомнили?

СЕРЖИК. Так это когда было...

МАКАШОВ. Ну, правильно... поэтому мы бриллиантов в вашей квартире и не нашли... Вот они, оказывается, куда делись... Крупные взятки членам приёмной комиссии! Да контрабанда! Да в особо крупных размерах! Да связь со спецслужбами недружественного Ватикана! Шпионили в пользу Ватикана? Продавали задёшево секреты государства? Да вы матёрый враг, злобный, неисправимый... Лишь бы навредить родине! А ведь она вас вскормила, вспоила...Какая чёрная неблагодарность! Всё! Будете сидеть!

СЕРЖИК (растерянно). Погодите... на чём основано обвинение? Дайте очные ставки! Кому это я взятки давал? Вы что, серьёзно думаете, что папа мне драгоценности посылает?

МАКАШОВ. Так вы ж сами говорили!

СЕРЖИК. Дайте очную ставку с папой! Требую ватиканского посла!

МАКАШОВ. Вы в своём уме, Сергей Иосифович? А знаете что? Вы лучше — чистосердечное признание! Сразу! Покайтесь! Вам и легче станет! И нам проще... договоримся по-хорошему... вы нам — признание, а мы вам — минимальный срок... ну, годик дадим, хватит с вас...

СЕРЖИК. Что-то это мне напоминает... нечто подобное как будто уже было в моей

жизни... Ты ж мне, сволочь гэбэшная, в тот раз тоже год сулил... а мне пять влупили! Пять лет! С убийцами, насильниками, извращенцами! Которые не люди, которые самые настоящие звери! И сейчас туда же гнёте? За что? За что вы меня ненавидите? За что вы меня снова в камере восемь месяцев уже держите? Пожилого, больного человека... с одним лёгким... у меня лёгкое удалено... у меня диабет... меня кормят гнильём...

МАКАШОВ (с ненавистью). Не будешь больше язык свой распускать! Сдохнешь! Как собака сдохнешь! Бессмертный, мля...

СЕРЖИК (обречённо вздохнув). Стоп! Снято!

Картина четвёртая.

Домашний двор Сержика.

Издали звучит похоронная музыка; постепенно нарастая и приближаясь, она звучит уже в полную силу на всём пространстве двора.

Мизансцена, схожая с мизансценой первой картины первого действия: из кулис появляется похоронная процессия. Люди несут гроб, в гробу – Сержик.

Транспарантов в руках у провожающих нет, вместо них люди держат разноцветные зонты и воздушные шары. Процессия идёт по кругу – из кулисы в кулису, проходит за сценой, возвращается. Люди плачут, утираются платками, женщины причитают. Гроб ставят на дворовый стол.

ПЕРВЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Он не считал себя диссидентом. Он всегда говорил: я не диссидент. Я хочу только одного – свободно выражать себя, свободно творить, снимать фильмы... создавать произведения... картины, коллажи... Я не хочу вступать в противоречие с сильными мира сего... почему всю жизнь меня пытаются сковать по рукам и ногам? Разве я не родился свободным? Разве не волен я делать то, что хочу... разве не волен летать вместе с птицами и говорить с людьми на своём языке?

ВТОРОЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Он был равнодушен к политике... абсолютно... и в молодости, и потом... я был у него в больнице, в Москве... когда ему удалили лёгкие... В палате у него стоял телевизор... летом прошлого года... все помнят, что

творилось тогда в стране... Съезд народных депутатов, Межрегиональная депутатская группа! История творилась на наших глазах! Я спросил его, смотрит ли он телевизор? А зачем? – ответил он... Ему не нужен был ветер свободы, он сам был этим ветром... его не интересовал этот политический театр, он сам был театром... Да, это был человек-театр, человек-оркестр, человек-птица... и крылья его невозможно было подрубить...

ТРЕТИЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Я помогал ему на съёмках «Исповеди»... вы знаете, это последний фильм, который он так и не снял... один-единственный день работы... снимали похороны гимназистки Веры... практически он снимал собственные похороны... он прощался с Верой... прощался с Надеждой, с Любовью... с жизнью... На второй день съёмок у него кровь хлынула горлом! Лёгкие! Дышать не мог! Ему нечем было дышать! Ему всю жизнь не хватало воздуха! У него ничего не было... и вдруг в конце жизни всё появилось – постановки, возможность снимать своё, выношенное, выстраданное... у него десятки сценариев были написаны, которые не давали снимать! И вот – всё можно! Вдруг! Приглашения на фестивали, зарубежные поездки, работа, всемирная слава! Всё есть! А воздуха – нет! Нету воздуха...

ЧЕТВЁРТЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Да, да... это так... На одном из фестивалей его спросили: что бы вы хотели поставить сейчас? Он ответил: «Травиату», только «Травиату»! Но почему? – снова спросили его. Очень просто, – ответил он. – Потому что там Виолетта сильно кашляет и говорит: «Поздно, Альберт, поздно...» А всего несколько дней назад я сидел у его постели... он уже почти не разговаривал, только хрипел... ему и дышать-то было трудно... на столе перед кроватью лежала пачка писем из разных стран, – его приглашали на фестивали, выставки, в жюри разных конкурсов... всю жизнь его никуда не пускали, всю жизнь не давали снимать что он хотел... он лежал и молча смотрел на эти бумажки... его лицо ничего не выражало... я взял эти приглашения и протянул ему... У него тоска в глазах была... «Поздно, Альберт, поздно...» прошептал он ... еле-еле так прошептал... и сильно закашлялся...

ПЯТЫЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Когда-то он сказал мне: если чёрная курица кричит петухом – это к смерти! И чёрная курица кричала недавно петухом... Аня зарубила её... А в прошлом году он сказал: если зимой

зацветёт вишня — это тоже к смерти! И вишня зацвела в январе... Аня взяла топор и свалила дерево... Но от судьбы не уйдёшь... Мы сидели с ним во дворе... за ним ухаживала тогда жена его близкого друга... он уже почти не ходил... плохо ел... дышал очень тяжело, с хрипами, задышался... внезапно он оживился и молча протянул вперёд дрожащую руку... я глянул — в широкой арке открытой калитки стояла внучка хозяйки — в белом платье, с алым зонтом в руках...

Под галереей появляется девочка в белом платье и с алым зонтом.

... за её спиной разливалось море свежей зелёной листвы!.. (Плачет.) Он не хотел уходить... Он хотел видеть эту красоту... хотел показать её другим...

ШЕСТОЙ ПРОВОЖАЮЩИЙ. Потом приехала его жена, Светлана... он её очень любил... всю жизнь любил... хоть и прожили они... может, лет семь... шесть? ей семнадцать было едва, когда они встретились, а ему, между прочим, уже за тридцать... Как её родители сопротивлялись! Её отец в советском посольстве работал, в Америке... ещё бы не сопротивляться! (С акцентом.) Горячий кавказский парень! И любил же он байки травить! Уверял, будто бы Светлану он похитил, а в погоню за ними кинулись совместные силы КГБ и ЦРУ!..

СВЕТЛАНА. Мы давно расстались с Серёжей, но наши отношения нельзя было поломать... я всегда знала, где он, чем занимается... я писала ему письма в тюрьму, старалась поддержать его... а он... он тоже всегда издали приглядывал за мной... и вот я приехала к нему, когда ему было уже очень плохо... он почти не проявлял интереса к жизни, был вялый, безразличный... ничто не увлекало его (Плачет.)... я понимала, что он умирает... он почти не разговаривал... а я всё пыталась расшевелить его, боялась, что болезнь затронет его ум, его блестящий интеллект... И вот мы сидим как-то во дворе... весна, апрель... солнечный такой денёк... И я говорю ему: Серёжа, а помнишь как я в Киеве ещё аккомпанировала тебе... а ты пел? Ты помнишь наш любимый романс... помнишь?.. Он говорит: да... (Продолжая плакать.) Тихо так сказал: да... и всё... А мне мало того, я говорю: какой красивый романс, как мы любили его! Ты не забыл? «Как грустно, туманно кругом, Тосклив,

безотраден мой путь...» И он подхватил... он сразу подхватил! «И прошлое кажется сном, Томит наболевшую грудь...»

Звучит романс «Ямщик, не гони лошадей».

Ямщик, не гони лошадей!
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить,
Ямщик, не гони лошадей!

Траурная процессия снова начинает движение с гробом на руках и двигается до тех пор, пока не отзвучит романс.

Затемнение.

Картина пятая.

Сержик и Марчелло, крадучись, поднимаются по лестнице. Сержик что-то неразборчиво говорит Марчелло, тот всё хочет рассмеяться в полную силу, но только прыскает в кулак, повинувшись воле шикающего Сержика. Поднявшись на галерею, Сержик прячет Марчелло за выступом стены, а сам громко стучит в ближайшее слегка приоткрытое окно.

СЕРЖИК. Аня!

АНЯ (не сразу). Кто там? Это не тот подонок, который является моим братом? Голос что-то знакомый! Эта не та сволочь, которая ворует у меня всё подряд?

СЕРЖИК. Аня, бойся Бога!

АНЯ. И этот человек поминает при мне имя Бога! Да ведь ты богохульник! Разве есть у тебя что-нибудь святое? Убирайся к чёртовой матери!

СЕРЖИК. Аня, я тебе сюрприз приготовил!

АНЯ. Какой сюрприз? Какой может быть сюрприз в три часа ночи? Я уже десятый сон вижу! Люди добрые! Человек, который называется моим братом, пришёл меня убить! За смертью моей пришёл! А зачем ещё ночью к пожилой женщине приходят? Зарезать меня хочет! Награжу тебя словом, которое так любит Мойше Кабанчик: шлимазл! Шлимазл и поц! Говорю же тебе: убирайся к чёртовой матери!

СЕРЖИК. Зачем убираться? Разве она — это не ты?

АНЯ. Если ты меня разозлишь, я выйду и спущу тебя с лестницы!

СЕРЖИК. И не будет тебе тогда сюрприза!

АНЯ. Ты снова хочешь в милицию? Ты снова хочешь за решётку? Ты соскучился по следователю и прокурору? Мало того, что воруюешь у меня айлазан прямо из котла, так ещё и ночью спать не даёшь!

СЕРЖИК. Аня, да открой наконец! Я же для тебя стараюсь!

АНЯ. Нету у меня мужика, чтобы вышел да поучил тебя хорошим манерам! Умер мой Жора, оставил меня с тобой! А ты баламут! Весь дом переполошил! Все соседи уже проснулись! Что же это за человек такой! всю жизнь от тебя покоя нет! То свои, то иностранцы, то художники, то поэты. А не дай Бог – музыканты или певцы! Да когда же наступит наконец тишина здесь?

СЕРЖИК. Аня, если ты сейчас не откроешь, я тебя точно убью! Но сначала ты познаешь всю меру женского унижения! Я с тобой сделаю такое... такое...

АНЯ. Все вы мастера трепаться! Обещаете только!

СЕРЖИК. Ей-богу, сделаю! Или соседей подговорю, если сам не справлюсь! Открывай, ведьма!

АНЯ. Сам ведьмак!

СЕРЖИК. Не увидишь сюрприза! Чёрт с тобой!

АНЯ. А вот и увижу! *(Неожиданно открывает дверь.)* Назло тебе увижу!

СЕРЖИК. Опа! *(Хватает за шиворот Марчелло и ставит его перед Аней.)* Народный артист Италии и любимец советских женщин Марчелло Мاستрояни!

АНЯ. Ах!

СЕРЖИК. Я тебе говорил, дура, открывай!

АНЯ. Марчелло!

МАРЧЕЛЛО. Си, сеньора, си!

АНЯ. Марчелло! Я тебя обожаю! *(Бросается ему на шею, едва не сбив с ног своим примечательным бюстом.)*

СЕРЖИК. Люди! Соседи! У нас в гостях – Марчелло Мастрояни! Ай, джан! Да здравствует Марчелло!

Из окон и дверей, с верхнего этажа и с нижнего, отовсюду начинают выбегать полуодетые люди, обнимают знаменитого актёра, хлопают по плечам, лезут целоваться. Звучит захватская музыка, превращающая ночь в день, всюду

зажигаются фонари, свечи, загораются окна дома... шум, гам, грохот. Кто-то несёт блюдо с курицей, кто-то – вазу с фруктами, хлеб, зелень, корзины с виноградом, кто-то с приглашающими выкриками тащит кувшины, бурдюки и бутылки с вином. Люди располагаются за столом, на лестнице, на галерее, прямо на земле... здесь все действующие лица, в том числе и статисты; нет лишь судейских и следователя Макашова. За столом начинают петь сначала армянские, потом грузинские песни, кто-то затягивает песню на украинском, на русском, кто-то уже танцует, кто-то обнимается, кто-то провозглашает тост.

АНЯ. Марчелло! Я мечтала о тебе всю жизнь! Я хочу ребёнка от тебя!

СЕРЖИК. Правильно, Анька! Пусть породнятся наши великие народы!

АНЯ. Марчелло! Сделай мне ребёнка! *(Сержику.)* Сержик! Пусть сделает мне ребёнка!

МАРЧЕЛЛО. Си, сеньора, си!

СЕРЖИК. Да здравствует дружба между народами!

МАРЧЕЛЛО *(с очень сильным акцентом).* Я требую политического убежища в СССР!

СЕРЖИК. Долой мрак и репрессии! Долой серость и косность! Человек должен летать! Человек должен парить над бытом!.. Как мало времени, как мало времени у нас!.. Пусть удвоится и утроится поскорее всё прекрасное!

Постепенно в вакхическую музыку стихийного праздника вплетается скорбная мелодия древнего дудука, шум веселья стихает и только дудук всё продолжает тянуть пронзительную ноту.

В круге света стоит Сержик.

СЕРЖИК *(подняв руки в упреждающем жесте).* Стоп! *(Плачет.)* Стоп-стоп! *(Пауза.)* Это – финал. Параджанов – умер. Я говорю: стоп! Снято!

Затемнение.

Занавес.